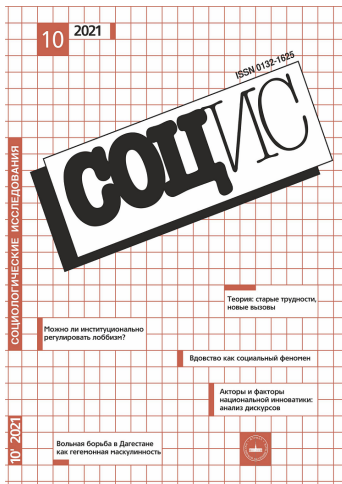

Социологические исследования 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Номер 10 Том . 2021

Аксёнов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Образцов Игорь Владимирович

*заведующий социологической лабораторией, профессор кафедры социологии,
Московский государственный лингвистический университет
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 19.10.2021

Ссылка для цитирования:

Образцов И. В. Аксёнов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. // Социологические исследования – 2021. – Номер 10 С. 164-168 [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250017140-7-1> (дата обращения: 05.05.2024). DOI: 10.31857/S013216250017140-7

¹ Историческая социология в России, призванная обеспечить «обращение к социальному прошлому для понимания и объяснения явлений и проблем [нынешней] социальной реальности», переживает острый кризис: «нет у нас гранд-проектов; нельзя пока говорить ни о динамике, ни о достижениях; нет институционального закрепления и даже признания научной значимости ИС в отечественной социологии»¹. В этих условиях остается только уповать на труды, появляющиеся в смежных предметных областях, прежде всего, в отечественной

истории. В качестве одного из последних таких «гранд-проектов» можно отметить монографию старшего научного сотрудника Института российской истории РАН В.Б. Аксенова, посвященную анализу социальной истории переломного для России периода. Все предыдущее научное творчество автора, включающее более 60 публикаций, также связано с изучением проблем социальной истории России, истории повседневности и массового сознания, эмоций, визуальной истории и российской культуры рубежа XIX–XX вв.

² Целевая установка В.Б. Аксенова на изучение событий Первой мировой войны и революции 1917 г. «не через противостояние существующих политических идеологий, складывающихся партийных блоков, кулуарных интриг и пр., а посредством исследования тех ментальных форм, в которых выражались массовые настроения современников, отражалась психология эпохи» (с. 962) представляется новаторской. Данный постулат определил структуру монографии, которая состоит из семи разделов, олицетворяющих эти самые «ментальные формы»: «идея», «действие», «слово», «текст», «образ», «символ» и «эмоция». Они, правда, в сокращенном виде и в несколько иной логической последовательности раскрывают и основной методологический замысел автора: «Слухи нам важны как типичный источник информации в условиях информационно-политического кризиса, который способствует формированию искаженных образов, альтернативных официальной пропаганде картин внутренней ситуации в империи, что приводит к выраженному общественному недовольству, эмоциональным всплескам, аффективным действиям, особенно ярко проявившимся в российской революции 1917 г. Тем самым выстраивается последовательность: слух – образ – эмоция – действие» (с. 9).

³ Похвально желание автора не только описать характер массовых настроений различных слоев российского общества, но и раскрыть *механизм* их формирования и функционирования. При этом если первые три компонента этого «механизма» (слух, образ и эмоция) вынесены в название книги, то четвертый – результирующий в виде «действий», почему-то там отсутствует, отчего складывается ощущение определенной незавершенности.

⁴ Основу любого исторического, в том числе *историко-социологического* исследования (а что рецензируемая работа является таковым, нет сомнений) составляет его *источниковая база*. Здесь она включает «максимально широкий репрезентативный круг письменных и визуальных документов, которые обнаруживают характеристики массового источника, позволяют изучать настроения большинства населения» (с.9). В их числе, прежде всего, архивные документы: материалы перлюстрации по гражданскому ведомству (ГАРФ) и военной цензуры – письма с фронта (РГВИА) – 100 тыс. документов; протоколы дознаний обвиняемых в оскорблении правящей династии; доносы обывателей в Департамент полиции МВД; отчеты чинов полиции по результатам наружного наблюдения (ГАРФ); доклады по Министерству юстиции (РГИА) – около 1500 дел. Кроме того, индивидуальные документы: мемуары и дневники современников – 98 наименований; лубочные картинки, плакаты, почтовые открытки (из фондов РГБ и РГПБ, ЦМСИР) – более 500 единиц; сведения из периодики: криминальная и светская хроника, вести и слухи, бытовые зарисовки и карикатуры (59 изданий);

данные социальной статистики (с.9–10). И в этом одна из сильных сторон рецензируемой работы.

⁵ Другим ее неоспоримым достоинством является применение автором к собранному массиву данных *контент-аналитических процедур* «с целью выстраивания динамики тех или иных процессов, частотности явлений ; сплошной подсчет упоминаний войны, политических слухов на страницах [личных] дневников ; на примере журнальной карикатуры расчет частотно-динамических характеристик образов внешнего и внутреннего врага, развитие «позитивных» и «негативных» образов» (с.10, 17).

⁶ Обратимся к содержанию семи «ментальных форм», через которые автор раскрывает сущностные характеристики массовых настроений.

⁷ *Идея* или «идейное выражение массовых настроений» рассматривается через «парадоксальную природу русского патриотизма», в основе которого лежали «слишком разные, порой взаимоисключающие концепты : от революционного патриотизма до национал-шовинистического» (с. 82). В этом автор видит противоречивую природу революционного сознания, проявившегося как в июле 1914 г., так и затем в феврале-марте 1917 г., однако динамика этого «перехода» остается за рамками исследования.

⁸ *Действо* (действие) как поведенческий аспект отношения к войне рассматривается в виде манифестаций, бунтов и погромов в ходе проведения *мобилизационных мероприятий* с участием различных социальных групп российского общества (самих мобилизованных, добровольцев, рабочих, крестьян, студентов, женщин и детей). Однако, увлекшись развенчанием тезиса «об общенациональном единении и примирении общества и власти в связи с началом войны» (с.112), автор не отрицает, но и не объясняет, что при всех описываемых им нюансах мобилизационные планы в России при явке запасников в 96% были полностью выполнены (с. 114). Последнее, думается, вряд ли могло быть осуществимо только с помощью одних административных мер.

⁹ *Слово* как вербальный источник изучения массового сознания рассматривается применительно к устной *деревенской культуре*, восприятию войны и власти ее носителями. Особое внимание уделяется анализу «интертекстуального характера деревенских слухов» и «крестьянского мифологического дискурса в виде сказки», позволяющих выявить «синкретизм крестьянского мышления». В этой связи значительный объем повествования отводится изучению «антидинастических настроений» сельского населения. На основе анализа правоприменительной практики по статьям за оскорбление династической фамилии делается вывод «о десакрализации императорской власти, внутреннем отречении народа от своего царя , предопределяя будущее крушение монархии» (с. 319). Альтернативные настроения, безусловно, существовавшие в крестьянской среде, автором в расчет, увы, не принимаются.

¹⁰ *Текст* представлен через анализ слухов в письменных источниках *городской среды*, отражающих «иррационализацию массового сознания обывателей». Здесь автор активно использует возможности контент-анализа, позволившего выявить динамику появления и циркуляции в городской среде

пессимистических слухов: 55 распространенных сюжетов, относящихся к семи группам (от антинемецких настроений до предательства в верхах), по которым прослеживаются «сквозные мотивы: шпиономания и формы ксенофобии, эсхатологические предчувствия и предчувствия революции» (с. 404–405).

¹¹ *Образ* характеризует визуальное пространство Первой мировой войны посредством контент-анализа *визуальных материалов*: образцов высокой живописи, лубка, журнальной карикатуры и почтовых открыток. Здесь автор фиксирует трансформацию патриотических настроений в оппозиционные: «начиная с июля 1915 г. отмечается сюжетный перелом, когда внутренние экономические проблемы, включая образ внутреннего врага, оказываются более актуальными, чем угрозы внешние» (с. 617).

¹² *Символ* олицетворяет сферу политико-символического пространства, характерной особенностью которой на протяжении всего периода выступала *дискредитация идеологической триады* «официальной народности»: православие-самодержавие-народность. Автор констатирует снижение авторитета церкви, поддерживающей государственную власть, и «расцерковление» прихожан, десакрализацию монаршей власти и дискредитацию героического образа русских воинов на поле боя. В итоге «война и поддерживающая ее власть вызвали враждебное отношение со стороны народа» (с. 796).

¹³ *Эмоция* характеризует «психико-эмоциональное измерение российской революции», в ее основе, по мнению автора, лежат *слухи* как «лакмусовая бумажка массовых настроений». Возрастание их роли объясняется «падением доверия масс к власти и аффилированным с ней источникам информации» (с. 797). Для обоснования этого заключения используется анализ содержания «революционных слухов», а также данные социальной статистики о динамике самоубийств и росте числа душевнобольных. На основании этого формулируется вывод о том, что с первых ее дней революции «стихийные процессы оказались доминирующими, слухи вытесняли «факты» и становились значимым фактором социально-политической истории» (с. 927).

¹⁴ Завершается монография описанием реакции российского общества на убийство императора и членов его семьи как «ожидаемого конца истории» и «эсхатологическими предчувствиями Гражданской войны». В превращении революции в «неуправляемую стихию» большую роль автор отводит «чувственно-эмоциональному» поведению обывателей, как их ответной реакции на «абсурдные слухи как катализатора народного недовольства в феврале 1917 г.» (с. 965).

¹⁵ Рассматривая значение данной работы с точки зрения исторической социологии, во-первых, хочется отметить желание автора «опровергнуть тезис о линейном развитии социума и показать сквозь призму массовых настроений российское общество как сложную динамическую систему [выделено нами. – Прим. И.О.], в которой кризисные моменты усиливали значимость стихийных флуктуаций» (с. 22). Однако при его реализации рассматриваемая динамика эмоционально-психологического состояния общества в качестве одной из многочисленных причин и предпосылок революционных событий, вольно или

невольно преподносится автором в качестве *ключевого фактора* революции. Такая его абсолютизация вряд ли оправдана и уместна.

¹⁶ Во-вторых, выход автора на «междисциплинарный перекресток» заслуживает всяческого одобрения и поддержки. Однако, отдавая приоритет «герменевтическому подходу», связанному с постоянным обращением к историческому документу «как к главному свидетелю» автор противопоставляет его «монофакторным (*социологическим* [выделено нами. – Прим. И.О.], психологическим, экономическим, политическим и пр.) интерпретациям истории» (с. 25). Налицо либо подмена монофакторности «монодисциплинарностью», либо отождествление социальных факторов с «социологическими». И то и другое свидетельствует о непонимании сущности социологического подхода к анализу социальных явлений, отличающегося как раз системным подходом и многофакторностью. Вместе с тем скорее стихийный, чем осмысленный выход автора на позиции *историко-социологического анализа* лишь свидетельствует о продуктивности последнего.

¹⁷ В-третьих, работу отличает солидная и разнообразная источниковая база, но при ее отборе автор выразил недоверие к результатам массовых опросов населения, проводившихся органами земской статистики. Без обращения к оригинальному тексту опроса сельских жителей Костромской губернии, а только на основании интерпретации его результатов Александровым Н.М., он делает вывод об «условности проводимых опросов», способных «при не критическом подходе ввести исследователя в заблуждение» (с. 61).

¹⁸ В качестве первого аргумента своей позиции он приводит вывод из опроса об «отсутствии элементов, указывающих на нелояльность [населения] к власти»², как противоречащий, по его мнению, содержанию «массовых источников», таких как «протоколы, составленные по обвинению крестьян в оскорблении императора» (с.60). Хотя сам же констатирует их ненадежность: «едва ли изученные дела [1474 случая] позволяют выстроить динамику политических настроений населения» (с. 252). Тем более что за период 1914–1916 гг., по его же данным, по данной статье были осуждены 268 чел. (!) (с.254). Спрашивается, о каких «массовых» явлениях может идти речь, и почему данные, полученные из другого источника, можно игнорировать только на основании их несовпадения с основной авторской гипотезой?

¹⁹ Второй аргумент, видимо, связан с его сомнениями в репрезентативности полученных данных. Между тем, первоисточник указывает на выборочную совокупность в «607 заполненных анкетных тетрадей, [которые] , равномерно распределяясь по территории губернии, обнимают 243 волости из 264»³. Даже с позиций сегодняшнего дня по территориальному параметру данная выборка представляется вполне репрезентативной.

²⁰ Третий аргумент связан, как с методикой опроса: «мужик говорит то, что может понравиться барину, а думает свое» , так и составом респондентов: «грамотные участники, бывшие объектом газетной пропаганды, зафиксировали [свое] отношение к войне и власти» (с. 60). Соответственно, «нелояльные» и неграмотные респонденты зафиксировать его не могли.

21 Что касается методики опроса, то он проводился посредством рассылки анкет, так что «барин» общался с «мужиком» опосредованно и не мог повлиять на его ответы. Анкетные тетради, действительно, могли заполняться только грамотными респондентами: представителями духовенства и крестьянами, знавшими грамоту, но им предлагалось сделать выводы и обобщения на основе *доминирующих настроений в их окружении*: что думают и говорят в деревне о войне.

22 Конечно, при интерпретации результатов любого массового опроса необходимо учитывать субъективные и организационные факторы, безусловно оказывающие влияние на достоверность полученных данных. Но даже при всех допущениях в данном случае полученные результаты свидетельствуют не о «монолитности» общественного мнения ангажированных респондентов, а о его противоречивости. Большинство населения (44%, в основном – крестьяне) в тот период воспринимало войну «как бедствие, настроение [имели] угнетенное, желание одно – скорейшее окончание войны»; «оптимисты» составляли 37% (в основном – из числа сельского духовенства – «перекос» выборки в пользу лиц духовного сословия), еще 17% демонстрировали нейтральные настроения⁴. Так что результаты анкетных опросов населения земскими статистиками – вполне достоверный исторический источник, отражающий массовые настроения.

23 И, наконец, в-четвертых, безусловно, заслуживает внимания обращение автора к теории социального действия М. Вебера для объяснения особенностей массового поведения различных слоев общества в анализируемый период. Но, вызывает вопросы его «селекция» разработанных Вебером четырех типов социального действия, когда предпочтение отдается только двум из них: «социальное действие активных участников партийной жизни, как правило, целерационально, однако участие тех индивидов, которые подверглись агитации со стороны профессиональных революционеров, оказывается подвержено аффектам» (С. 40). Вместе с тем особенности ценностно-рационального действия можно было бы использовать для интерпретации религиозного или описываемого автором «мистического» поведения, а традиционного действия – для объяснения «обывательского» поведения (обыватель – «маленький человек» или модальная личность). Не говоря уже об открывающихся возможностях, связанных с обращением к современным теориям социального действия.

24 Также вызывает недоумение использование автором в тексте монографии в качестве синонима «действию» устаревшего исторического термина: «действие» (в т. ч. в сочетании: «веберовская теория социального действия» (с. 8), что в тексте научной монографии вряд ли уместно.

25 В заключение следует отметить, что те немногие энтузиасты, что еще продолжают заниматься исторической социологией, безусловно, помимо собственных исследований могут и должны обращаться к трудам коллег «смежников», прежде всего историков. И чем больше будет появляться подобных рассматриваемой работе междисциплинарных монографий, посвященных анализу ключевых периодов российской истории, тем шире будут раздвигаться горизонты и открываться перспективы отечественной исторической социологии.

Примечания:

1. с. 81, 83, Романовский Н. В. Историческая социология в России: плоды и тревоги // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 79–90.
 2. с. 416, *Александров Н. М.* Общественное сознание сельского населения в начальный период Первой мировой войны (по материалам Костромской губернии) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: Материалы Международной научной конференции. М.: ИРИ РАН, 2014. С.141–146.
 3. с. 2, Война и Костромская деревня (По данным анкеты статистического отделения) / *Дюбюк Е.Ф., Захаров А.В.* Кострома: Типография Х.А. Гелина, 1915.
 4. с. 67, источник см. в примечании 3.
-

Aksyonov V.B. (2020) Rumors, Images, Emotions. Mass Sentiment of Russians During the War and Revolution (1914-1918). Moscow: New Literary Review. Reviewed by I.V. Obraztsov

Igor V. Obraztsov

*Prof., Department of Sociology, Head of Sociological Laboratory, Moscow State Linguistic University
Russian Federation, Moscow*

Abstract

Keywords:

Publication date: 19.10.2021

Citation link:

Obraztsov I. Aksyonov V.B. (2020) Rumors, Images, Emotions. Mass Sentiment of Russians During the War and Revolution (1914-1918). Moscow: New Literary Review. Reviewed by I.V. Obraztsov // Sotsiologicheskie issledovaniya – 2021. – Issue 10 C. 164-168 [Electronic resource]. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250017140-7-1> (circulation date: 05.05.2024). DOI: 10.31857/S013216250017140-7